

Александр Куприн

Ученик

Александр Куприн

Ученик

«Public Domain»

1908

Куприн А. И.

Ученик / А. И. Куприн — «Public Domain», 1908

«Большой, белый, двухэтажный американский пароход весело бежал вниз по Волге. Стояли жаркие, томные июльские дни. Половину дня публика проводила на западном наружном балкончике, а половину на восточном, в зависимости от того, какая сторона бывала в тени. Пассажиры садились и вылезали на промежуточных станциях, и в конце концов образовался постоянный состав путешественников, которые уже давно знали друг друга в лицо и порядочно друг другу надоели...»

© Куприн А. И., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11

Александр Иванович Куприн

Ученик

I

Большой, белый, двухэтажный американский пароход весело бежал вниз по Волге. Стояли жаркие, томные июльские дни. Половину дня публика проводила на западном наружном балкончике, а половину на восточном, в зависимости от того, какая сторона бывала в тени. Пассажиры садились и вылезали на промежуточных станциях, и в конце концов образовался постоянный состав путешественников, которые уже давно знали друг друга в лицо и порядочно друг другу надоели.

Днем лениво занимались флиртом, покупали на пристанях землянику, вяленую волокнистую воблу, молоко, баранки и стерлядей, пахнувших керосином. В продолжение целого дня ели не переставая, как это всегда бывает на пароходах, где плавная тряска, свежий воздух, близость воды и скука чрезмерно развивают аппетит.

Вечером, когда становилось прохладнее, с берегов доносился на палубу запах скошенного сена и медвяных цветов, и когда от реки поднимался густой летний туман, все собирались в салон.

Худенькая барышня из Москвы, ученица консерватории, у которой резко выступали ключицы из-под низко вырезанной блузки, а глаза неестественно блестели и на щеках горели болезненные пятна, пела маленьким, но необыкновенно приятного тембра голосом романсы Даргомыжского. Потом немного спорили о внутренней политике.

Общим посмешищем и развлечением служил тридцатилетний симбирский помещик, розовый и гладкий, как йоркширский поросенок, с белокурыми волосами ежиком, с разинутым ртом, с громадным расстоянием от носа до верхней губы, с белыми ресницами и возмутительно белыми усами. От него веяло непосредственной черноземной глупостью, свежестью, наивностью и усердием. Он только что женился, приобрел ценз и получил место земского начальника. Все эти подробности, а также девическая фамилия его матери и фамилии всех людей, оказавших ему протекцию, были уже давно известны всему пароходу, включая сюда капитана и двух его помощников, и, кажется, даже палубной команде. Как представитель власти и член всероссийской дворянской семьи, он пересаливал в своем патриотизме и постоянно завирался. От Нижнего до Саратова он уже успел перестрелять и перевешать всех жидов, финляндцев, поляков, армяшек, малороссов и прочих инородцев.

Во время стоянок он выходил на палубу в своей фуражке с бархатным околышем и с двумя значками и, заложив руки в карманы брюк, обнаруживая толстый дворянский зад в серых панталонах, поглядывал, на всякий случай, начальственно на матросов, на разносчиков, на троечных ямщиков в круглых шляпах с павлиньими перьями. Жена его, тоненькая, изящная, некрасивая петербургская полудева, с очень бледным лицом и очень яркими, злыми губами, не препятствовала ему ни в чем, была молчалива, иногда при глупостях мужа улыбалась недоброй, тонкой усмешкой; большую часть дня сидела на солнечном припеке, с желтым французским романом в руках, с пледом на коленях, вытянув вдоль скамейки и скрестив маленькие породистые ножки в красных сафьяновых туфлях. Как-то неволью чувствовалась в ней карьеристка, будущая губернаторша или предводительша, очень может быть, что будущая губернская Мессалина. От нее всегда пахло помадой *creme Simon* и какими-то модными духами – сладкими, острыми и терпкими, от которых хотелось чихать. Фамилия их была Кострецовы.

Из постоянных пассажиров был еще артиллерийский полковник, добродушнейший человек, неряха и обжора, у которого полуседая щетина торчала на щеках и подбородке, а китель цвета хаки над толстым животом лоснился от всевозможных супов и соусов. Каждый день утром он спускался вниз в помещение повара и выбирал там стерлядку или севрюжку, которую ему приносили наверх в сачке, еще трепещущую, и он сам, священнодействуя, сопя и почмокивая, делал рыбе ножом на голове пометки во избежание поварской лукавости, чтобы не подали другую, дохлую.

Каждый вечер, после пения московской барышни и политических споров, полковник играл до поздней ночи в винт. Его постоянными партнерами были: акцизный надзиратель, ехавший в Асхабад, – человек совершенно неопределенных лет, сморщенный, со скверными зубами, помешанный на любительских спектаклях, – он недурно, бойко и весело рассказывал в промежутках игры, во время сдач, анекдоты из еврейского быта; редактор какой-то приволжской газеты, бородатый, низколобый, в золотых очках, и студент, по фамилии Држевецкий.

Студент играл с постоянным счастьем. Он быстро разобрался в игре, великолепно помнил все назначения и ходы, относился к ошибкам партнеров с неизменяемым благодушием. Несмотря на сильные жары, он всегда был одет в застегнутый на все пуговицы зеленоватый сюртук с очень длинными полами и преувеличенно высоким воротником. Спинные лопатки были у него так сильно развиты, что он казался сутуловатым, даже при его высоком росте. Волосы у него были светлые и курчавые; голубые глаза, бритое длинное лицо: он немножко походил, судя по старинным портретам, на двадцатипятилетних генералов Отечественной войны 1812 года. Однако нечто странное было в его наружности. Иногда, когда он не следил за собою, его глаза принимали такое усталое, измученное выражение, что ему свободно можно было дать на вид даже и пятьдесят лет. Но ненаблюдательная парходная публика этого, конечно, не замечала, как не замечали партнеры необыкновенной особенности его рук: большие пальцы у студента достигали по длине почти концов указательных, и все ногти на пальцах были коротки, широки, плоски и крепки. Эти руки с необыкновенной убедительностью свидетельствовали об упорной воле, о холодном, не знающем колебаний эгоизме и о способности к преступлению.

От Нижнего до Сызрани как-то в продолжение двух вечеров составлялись маленькие азартные игры. Играли в двадцать одно, железную дорогу, польский банчок. Студент выиграл что-то рублей около семидесяти. Но он это сделал так мило и потом так любезно предложил обыгранному им мелкому лесопромышленнику займы денег, что у всех получилось впечатление, что он богатый человек, хорошего общества и воспитания.

II

В Самаре пароход очень долго разгружался и нагружался. Студент съездил выкупаться и, вернувшись, сидел в капитанской рубке – вольность, которая разрешается только очень симпатичным пассажирам после долгого совместного плавания. Он с особенным вниманием, пристально следил за тем, как на пароход взошли порознь три еврея, все очень хорошо одетые, с перстнями на руках, с блестящими булавками в галстуках. Он успел заметить и то, что евреи делали вид, как будто они не знакомы друг с другом, и какую-то общую черту в наружности, как будто наложенную одинаковой профессией, и почти неуловимые знаки, которые они подавали друг другу издали.

– Не знаете – кто это? – спросил он помощника капитана.

Помощник капитана, черненький, безусый мальчик, изображавший из себя в салоне старого морского волка, очень благоволил к студенту. Во время своих очередных вахт он рассказывал Држевецкому непристойные рассказы из своей прошлой жизни, говорил гнусности про всех женщин, находившихся на судне, а студент выслушивал его терпеливо и внимательно, хотя и несколько холодно.

– Эти? – переспросил помощник капитана. – Несомненно, комиссионеры. Должно быть, торгуют мукой или зерном. Да вот мы сейчас узнаем. Послушайте, господин, как вас, послушайте! – закричал он, перегнувшись через перила. – Вы с грузом? Хлеб?

– Уже! – ответил еврей, подняв кверху умное, наблюдательное лицо. – Теперь я еду для собственного удовольствия.

Вечером опять пела московская барышня – «Кто нас венчал», – земский начальник кричал о пользе уничтожения жидов и введения общей всероссийской порки, полковник заказывал севрюжку по-американски с каперсами. Два комиссионера уселись играть в шестьдесят шесть – старыми картами, потом к ним, как будто невзначай, подсел третий, и они перешли на преферанс. При окончательном расчете у одного из игроков не нашлось сдачи, – оказались только крупные бумажки. Он сказал:

– Ну, господа, как же мы теперь разделимся? Хотите на черное и красное?

– Нет уж, благодарю вас, в азартные игры не играю, – ответил другой. – Да это пустяки. Пускай мелочь останется за вами.

Первый как будто бы обиделся, но тут вмешался третий:

– Господа, кажется, мы не пароходные шулера и находимся в порядочной компании. Позвольте, сколько у вас выигрыша?

– Однако какой вы горячий, – сказал первый. – Шесть рублей двадцать копеек.

– Ну вот... Иду на всё.

– Ой, как страшно! – сказал первый и начал метать. Он проиграл и в сердцах удвоил ставку. И вот через несколько минут между этими тремя людьми завязалась оживленная, азартная игра в польский банчок, в которой банкомет сдает всем партнерам по три карты и от себя открывает на каждого по одной.

Не прошло и получаса, как на столе ворохами лежали кредитные билеты, столбики золота и груды серебра. Банкомет все время проигрывал. При этом он очень правдоподобно разыгрывал удивление и негодование.

– Это вам всегда так везет на пароходах? – спрашивал он с ядовитой усмешкой партнера.

– Да. А особенно по четвергам, – отвечал тот хладнокровно.

Неудачный игрок потребовал новую талию. Но он опять стал проигрывать. Вокруг их стола столпились пассажиры первого и второго классов. Игра понемногу разожгла всех. Сначала вмешался добродушный артиллерийский полковник, потом акцизный чиновник, ехавший

в Асхабад, и бородатый редактор. У мадам Кострецовой загорелись глаза, и в этом сказалась ее пылкая, нервная натура.

– Ставьте же против него, – сказала она злым шепотом мужу. – Разве вы не видите, что его преследует несчастье.

– Mais, дорогая моя... Бог знает с кем, – слабо протестовал земский начальник.

– Идиот! – сказала она злым шепотом. – Принесите из каюты мой ридикюль.

III

Студент давно уже понял, в чем дело. Для него было совершенно ясно, что эти три человека составляют обыкновенную компанию парходных шулеров. Но, очевидно, ему нужно было кое-что обдумать и сообразить. Он взял в буфете длинную черную сигару и уселся на балконе, следя, как тень от пархода скользила по желтой воде, игравшей солнечными зайчиками. Помощник капитана, увидев его, сбежал с рубки, многозначительно смеясь.

– Профессор, хотите, я вам покажу одного из самых интересных людей в России?

– Да? – сказал равнодушно студент, стряхивая ногтем пепел с сигары.

– Посмотрите, вон тот господин, с седыми усами и с зеленым шелковым зонтиком над глазами. Это – Балунский, король шулеров.

Студент оживился и быстро посмотрел направо.

– Этот? Да? В самом деле Балунский?

– Да. Этот самый.

– Что же, он теперь играет?

– Нет. Совсем упал. Да если бы он и сел играть, так ведь, вы знаете, мы обязаны предупредить публику... Он только торчит за столами, смотрит и больше ничего.

В это время Балунский проходил мимо них, и студент с самым живым интересом проводил его глазами. Балунский был высокий, прекрасно сложенный старик с тонкими, гордыми чертами лица. Студент многое увидел в его наружности: давнишнюю привычку держать себя независимо и уверенно на глазах большой публики, выхоленные, нежные руки, наигранную внешнюю барственность, но также и маленький дефект в движении правой ноги и побелевшие от времени швы когда-то великолепного парижского пальто. И студент с неослабным вниманием и с каким-то странным смешанным чувством равнодушной жалости и беззлобного презрения следил за всеми этими мелочами.

– Был конь, да изъездился, – сказал помощник капитана.

– А внизу идет большая игра, – сказал спокойно студент.

Потом, вдруг повернувшись к помощнику капитана и глядя ему каменным взглядом в самые зрачки, он сказал так просто, как будто заказывал себе завтрак или обед:

– Вот что, *mon cher ami*¹, я к вам приглядываюсь уже два дня и вижу, что вы человек неглупый и, конечно, стоите выше всяких старушечьих предрассудков. Ведь мы с вами сверхлюди, не правда ли?

– Да, вообще... И по теории Ницше, вообще... – пробормотал важно помощник капитана. – Жизнь человеческая...

– Ну, ладно. Подробности письмом.

Студент расстегнул сюртук, достал из бокового кармана щегольской бумажник из красной кожи с золотой монограммой и вынул из него две бумажки, по сто рублей каждая.

– Держите, адмирал! Это ваши, – сказал он внушительно.

– За что? – спросил помощник капитана, захлопав глазами.

– За вашу за прекрасную за красоту, – сказал серьезно студент. – И за удовольствие поговорить с умным человеком, не связанным предрассудками.

– Что я должен сделать?

Теперь студент заговорил отрывисто и веско, точно полководец перед сражением:

– Во-первых, не предупреждать никого о Балунском. Он мне нужен будет, как контроль и как левая рука. Есть?

– Есть! – ответил весело помощник капитана.

¹ Мой дорогой друг (*фр.*).

– Во-вторых, укажите мне того из официантов, который может подать на стол мою колоду. Моряк немножко замялся.

– Разве Прокофий? – сказал он, как бы рассуждая с самим собой.

– Ах, это тот, худой, желтый, с висячими усами? Да?

– Да. Этот.

– Ну, ну... У него подходящее лицо. С ним у меня будет свой разговор и особый расчет. Затем, мой молодой, но пылкий друг, я вам предлагаю следующую комбинацию. Два с половиной процента с валового сбора.

– С валового сбора? – захихикал восторженно помощник капитана.

– Да-с. Это составит приблизительно вот сколько... у полковника своих, я думаю, рублей тысяча и, может быть, еще казенные – скажем кругло, две. Земского начальника я тоже ценю в тысячу. Если удастся развертеть его жену, то эти деньги я считаю как в своем кармане. Остальные все – мелочь. Да еще у этих сморкачей, я считаю, тысяч около шести – восьми... вместе...

– У кого?

– А у этих парходных шулеришек. У этих самых молодых людей, которые, по вашим словам, торгуют зерном и мукой.

– Да разве? Да разве? – спохватился помощник капитана.

– Вот вам и разве. Я им покажу, как нужно играть. Им играть в три листика на ярмарках под забором. Капитан, кроме этих двухсот, вы имеете еще триста обеспеченных. Но уговор: не делать мне страшных гримас, хотя бы я даже проигрался дотла, не соваться, когда вас не спрашивают, не держать за меня, и главное – что бы со мной ни случилось, даже самое худшее, – не обнаруживать своего знакомства со мной. Помните – вы не мастер, не ученик, а только статист.

– Статист! – хихикнул помощник капитана.

– Экий дурак, – сказал спокойно студент. И, бросив окурок сигары через борт, он быстро встал навстречу проходившему Балунскому и фамильярно просунул руку ему под руку. Они поговорили не больше двух минут, и, когда окончили, Балунский снял шляпу с льстивым и недоверчивым видом.

IV

Поздно ночью студент и Балунский сидели на пароходном балконе. Лунный свет играл и плескался в воде. Левый берег, высокий, крутой, весь обросший мохнатым лесом, молчаливо свешивался над самым пароходом, который шел совсем близко около него. Правый берег лежал далеким плоским пятном. Весь опустившись, сгорбившись еще больше, студент небрежно сидел на скамейке, вытянув вперед свои длинные ноги. Лицо у него было усталое и глаза тусклые.

– Сколько вам может быть лет? – спросил Балунский, глядя на реку. Студент промолчал.

– Вы меня извините за нескромность, – продолжал, немного помявшись, Балунский. – Я отлично понял, для чего вы меня посадили около себя. Я также понимаю, почему вы сказали этому фушеру, что вы его ударите по лицу, если колода, после проверки, окажется верной. Вы это произнесли великолепно. Я любовался вами. Но, ради бога, скажите, как вы это делали?

Студент, наконец, заговорил через силу, точно с отвращением:

– Видите ли, штука в том, что я не прибегаю ни к каким противозаконным приемам. У меня игра на человеческой душе. Не беспокойтесь, я знаю все ваши старые приемы. Накладка, передежка, накладка, крапленые колоды – ведь так?

– Нет, – заметил обидчиво Балунский. – У нас были и более сложные штучки. Я, например, первый ввел в употребление атласные карты.

– Атласные карты? – переспросил студент.

– Ну да. На карту наклеивается атлас. Трением о сукно ворс пригибается в одну сторону, на нем рисуется валет. Затем, когда краска высохла, ворс переворачивают в другую сторону и рисуют даму. Если ваша дама бита, вам нужно только провести картой по столу.

– Да, я об этом слышал, – сказал студент. – Один лишний шанс. Но ведь зато и дурацкая игра – штос.

– Согласен, она вышла из моды. Но это было время великолепного расцвета искусства. Сколько мы употребили остроумия, находчивости... Полубояринов подстригал себе кожу на концах пальцев; у него осязание было тоньше, чем у слепого. Он узнавал карту одним прикосновением. А крапленые колоды? Ведь это делалось целыми годами.

Студент зевнул.

– Примитивная игра.

– Да, да. Поэтому-то я вас и спрашиваю. В чем ваш секрет? Должен я вам сказать, что я бывал в больших выигрышах. В продолжение одного месяца я сделал в Одессе и в Петербурге более шестисот тысяч. И кроме того, выиграл четырехэтажный дом с бойкой гостиницей.

Студент подождал – не скажет ли он еще чего, и немного погодя спросил:

– Ага! Завели любовницу, лихача, мальчика в белых перчатках за столом, да?

– Да, – ответил покорно и печально Балунский.

– Ну вот, видите: я это угадал заранее. В вашем поколении действительно было что-то романтическое. Оно и понятно. Конские ярмарки, гусары, цыганки, шампанское... Били вас когда-нибудь?

– Да, после Лебядинской ярмарки я лежал в Тамбове целый месяц. Можете себе представить, даже облысел – все волосы вылезли. Этого со мной не случилось до тех пор, пока около меня был князь Кудуков. Он работал у меня из десяти процентов. Надо сказать, что более сильного физически человека я не встречал в жизни. Нас прикрывал и его титул, и сила. Кроме того, он был человеком необыкновенной смелости. Он сидел, насысываясь тенерафом в буфете, и когда слышал шум в игровой комнате, то приходил меня выручать. Ох, какой тарарам мы с ним закатили в Пензе. Подсвечники, зеркала, люстры...

– Он спился? – спросил вскользь студент.

– Откуда вы это знаете? – спросил с удивлением Балунский.

– Да оттуда... Поступки людей крайне однообразны. Право, иногда скучно становится жить.

После долгого молчания Балунский спросил:

– А отчего вы сами играете?

– Право, я и сам этого не знаю, – сказал с печальным вздохом студент. – Вот я дал себе честное слово не играть ровно три года. И два года я воздерживался, а сегодня меня почему-то взмыло. И, уверяю вас, – мне это противно. Деньги мне не нужны.

– Вы их сохраняете?

– Да, несколько тысяч. Раньше я думал, что сумею ими когда-нибудь воспользоваться. Но время пробежало как-то нелепо быстро. Часто я спрашиваю себя – чего мне хочется? Женщинами я пресытился. Чистая любовь, брак, семья – мне недоступны, или, вернее сказать, я в них не верю. Ем я чрезвычайно умеренно и ничего не пью. Копить на старость? Но что я буду делать в старости? У других есть утешение – религия. Я часто думаю: ну вот, пускай меня сделают сегодня королем, императором... Чего я захочу? Честное слово – не знаю. Мне нечего даже желать.

Монотонно журчала вода, рассекаемая пароходом. Светло, печально и однообразно лила свой свет луна на белые стенки парохода, на реку, на дальние берега. Пароход проходил узким, мелким местом... «Шесть... ше-е-сть с половиной!.. Под таба-а-к!»

– кричал на носу водолив.

– Но как вы играете? – спросил робко Балунский.

– Да никак, – ответил лениво студент. – Я играю не на картах, а на человеческой глупости. Я вовсе не шулер. Я никогда ни накальваю, ни отмечаю колоду. Я только знакомлюсь с рубашкой и потому играю всегда вторым сортом. Ведь все равно после двух-трех сдач я буду знать каждую карту, потому что зрительная память у меня феноменальна. Но я не хочу напрасно тратить энергию мозга. Я твердо убежден, что если человек захочет быть одураченным, то несомненно он и будет одурачен. И я знал заранее судьбу сегодняшней игры.

– Каким образом?

– Просто. Например: земский начальник тщеславный и глупый дурак, простите за плеоназм. Жена делает с ним все, что хочет. А она женщина страстная, нетерпеливая и, кажется, истеричная. Мне нужно было обоим их втравить в игру. Он делал глупости, а она назло вдвое. Таким манером они пропустили тот момент, когда им шло натуральное счастье. Они им не воспользовались. Они стали отыгрываться тогда, когда счастье повернулось к ним спиной. Но за десять минут до этого они могли бы меня оставить без штанов.

– Неужели это возможно рассчитать? – спросил тихо Балунский.

– Конечно. Теперь другой случай. Это полковник. У этого человека широкое, неистощимое счастье, которого он сам не подозревает. И это потому, что он широкий, небрежный, великодушный человек. Ей-богу, мне было немножко неловко его потрошить. Но уже нельзя было остановиться. Дело в том, что меня раздражали эти три жидочка.

– Не вытерпел – зажглось ретивое? – спросил стихом из Лермонтова старый шулер.

Студент заскрипел зубами, и лицо его оживилось немного.

– Совершенно верно, – сказал он презрительно. – Именно не вытерпел. Судите сами: они сели на пароход, чтобы стричь баранов, но у них нет ни смелости, ни знания, ни хладнокровия. Когда он мне передавал колоду, я сейчас же заметил, что у него руки холодные и трясутся. «Эге, голубчик, у тебя сердце прыгает!» Игра-то их была для меня совершенно ясна. Партнер слева, тот, у которого бородавочка на щеке заросла волосами, делал готовую накладку. Это было ясно, как апельсин. Нужно было их рассадить, и поэтому-то, – тут студент заговорил

скороговоркой, – я и прибежал, *cher maitre*², к вашему просвещенному содействию. И я должен сказать, что вы вполне корректно выполнили мою мысль. Позвольте вам вручить вашу долю.

– О, зачем так много?

– Пустяки. Вы мне окажете еще одну услугу.

– Слушаю.

– Вы твердо помните лицо земской начальницы?

– Да.

– Так вы пойдете к ней и скажете: деньги ваши были выиграны совершенно случайно. Вы даже можете ей сказать, что я шулер. Да, но, понимаете, в таком возвышенном байроновском духе. Она клонет. Деньги она получит в Саратове, в Московской гостинице, сегодня в шесть часов вечера, от студента Држевецкого. Номер первый.

– Это, стало быть, сводничество? – спросил Балунский.

– Зачем такие кислые слова? Не проще ли: услуга за услугу.

Балунский встал, потоптался на месте, снял шляпу. Наконец сказал неуверенно:

– Это я сделаю. Это, положим, пустяки. Но, может быть, я вам понадоблюсь как машинист?

– Нет, – ответил студент. – Это старая манера действовать скопом. Я один.

– Один? Всегда один?

– Конечно. Кому я могу довериться? – возразил студент со спокойной горечью. – Если я уверен, положим, в вашей товарищеской честности, понимаете, в каторжной честности, – то я не уверен в крепости ваших нервов. Другой и смел, и некорыстолюбив, и верный друг, но... до первой шелковой юбки, которая сделает его свиньей, собакой и предателем! А шантажи? Вымогательство? Клянченье на старость? На инвалидность?.. Эх!..

– Я вам удивляюсь, – сказал Балунский тихо. – Вы – новое поколение. У вас нет ни робости, ни жалости, ни фантазии... Какое-то презрение ко всему. Неужели в этом только и заключается ваш секрет?

– В этом. Но также и в большом напряжении воли. Вы мне можете верить или не верить, – это мне все равно, – но я сегодня раз десять заставлял усилием воли, чтобы полковник ставил маленькие куши, когда ему следовало ставить большие. Мне это не легко... У меня сейчас чудовищно болит голова. И потом... Потом я не знаю, не могу себе представить, что это значит быть прибитым или раскиснуть от замешательства. Органически я лишен стыда и страха, а это вовсе не так весело, как кажется с первого взгляда. Я, правда ношу с собой постоянно револьвер, но зато уж поверьте, что в критическую минуту я о нем не забуду. Однако... – студент деланно зевнул и протянул Балунскому руку усталым движением, – однако до свидания, генерал. Вижу, у вас глаза смыкаются...

– Всего лучшего, – сказал почтительно старый шулер, склоняя свою седую голову.

Балунский ушел спать. Студент, сторбившись, долго глядел усталыми, печальными глазами на волны, игравшие, как рыба чешуя. Среди ночи вышла на палубу Кострецова. Но он даже не обернулся в ее сторону.

² Дорогой учитель (*фр.*).